

Республика Ингушетия

Составлено в апреле 2013 г.

Автор Т. Чабиева.

Сбор материалов Т. Чабиева, М. Рощин.

Особенности исторического развития религии

Первой монотеистической религией, попытавшейся искоренить язычество среди предков ингушей, стало христианство. Точные сведения о первичном знакомстве с христианством отсутствуют, как и остаются не до конца выясненными пути его проникновения. Однако, как утверждал С. Токарев, в целом в горных районах Кавказа распространение христианства шло активно уже с IV–VI вв. н.э. (Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1965. С. 202).

В Ингушетии начальный период знакомства с христианством был связан с политической активностью Византии в кавказском регионе в XI–XII вв. Однако, среди исследователей бытуют и другие версии. Так, согласно В. Виноградову, первое знакомство ингушей с христианством состоялось довольно рано в период конца IV–IX вв. (Виноградов В. Б. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С. 42). О возможном влиянии генуэзцев занимавшихся торговлей в Крыму и на Северном Кавказе и пришедших на смену византийцам, на процесс христианизации ингушей упоминается Б. Далгатом: «весьма вероятно, что генуэзцы и венецианцы, часто посещавшие Кавказ в XIII–XV столетиях с торговыми целями, также распространяли христианство и среди чеченцев (ингушей)» (Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С. 46). Такой же точки зрения придерживался К. О. Ган, который усматривал в архитектуре храма Тхаба-Ерды влияние итальянских зодчих (Ганн К. О. Картины главных кавказских рек // Кавказский вестник. № 5. 1901. С. 15). По мнению Е. Крупнова, появление

и распространение христианства в Ингушетии – это результат политических акций Грузинского феодального государства XII в, а затем – Российской империи в XVIII веке (Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 196).

Действительно, успешное влияние Грузии на процесс христианизации отмечено в период правления царицы Тамары. Недаром имя Тамара так популярно среди ингушей и чеченцев. Именно с ее именем связывают строительство христианских храмов на Северном Кавказе вайнахи и осетины. Между грузинами и ингушами длительное время поддерживались как военно-политические, экономические, так и культурные связи. Влияние Грузии испытывали на тот период и многие другие народы Северного Кавказа. Так, Грузия посылала к различным племенам, населявшим Кавказ, своих священников для проповеднической деятельности. О влиянии феодальной Грузии говорят три христианских храма в горной Ассинской котловине – Тхаба-Ерды, Алби-Ерды и Таргимский. Народная легенда вкладывает в уста грузинского христианского царя, прибывшего в Ингушетию, такие слова: «Я построил в твоей стране Тхаба-Ерду... чтобы ты остался доволен» (Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период). Грозный, 1990. С. 85). Стоит отметить, что христианский храм Тхаба-Ерды «не имеет себе равных на всем Северном Кавказе» (Семенов Л. П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. № 23. М.– Л., 1951. С. 302) и является первым по времени строительства памятником христианства на территории Ингушетии.

Однако период христианского влияния оказался кратковременным. В XIII веке в связи с нашествием чингизидов процесс христианизации был приостановлен. Горские народы оказались под влиянием и властью завоевателей, пытавшихся насильственным образом распространить среди них ислам. Этот период можно назвать одной из первых попыток исламизировать ингушей. Более интенсивный процесс внедрения ислама связан с именем хана Узбека. В селении Плиево сохранился мавзолей Борга-Каш, который по мнению В. Б. Виноградова, является ставкой хана Узбека (Виноградов В. Б. И слава пережила его (Биография научного поиска) // Грозненский рабочий. 1966. 19 ноября).

Очередной попыткой Грузии христианизировать ингушей является время правления Георгия V Блистательного (1318–1346 гг.). На этом эпоха грузинского влияния на ингушей заканчивается, хотя менее успешные попытки предпринимались и позже.

В период позднего средневековья и нового времени укрепляются русско-ингушские связи. Так, царская власть в течение XVIII в. и первой половины XIX в. не раз пыталась ввести христианство среди ингушей. С се-

редины и до конца XVIII в. христианство поддерживалось грузинскими, а позднее и русскими священниками из Осетинской духовной комиссии в западных районах края. Ставка делалась на осетин, поскольку они лучше знали своих соседей, что могло принести большой успех в деле их христианизации. Число ингушей, принявших христианство в этот период, благодаря Осетинской комиссии, составило 820 человек (Русско-осетинские отношения. Т. 1. Орджоникидзе. 1976. С. 391–392).

Христианизация сопровождалась распространением среди населения нательных крестов, икон-складней. В целом, принятие ингушами крещения не влекло за собой изменений в их привычном укладе жизни. К примеру, священников в ингушских селениях не имелось, а те, что периодически появлялись, не особо волновались по вопросу религиозных предпочтений ингушей, главными оставались внешние признаки: население крестилось, окроплялось святой водой. Миссионерская деятельность, как впрочем, и вся политика по христианизации ингушей, была нестабильна. Основная часть ингушей продолжала за внешними атрибутами христианства следовать синкретическим верованиям и бесконтрольно поклоняться своим привычным языческим богам.

Ингуш не вдавался вглубь религиозных представлений, он учитывал только то, что предки его поклонялись определенному святому, и потому убежденность, что, если он отступит от примера предков, то будет преследуем святыми, являлась непоколебимой.

Далее, как пишет Ч. Ахриев, «из сохранившихся христианских понятий у ингушей замечается, между прочим, понятие о Боге в трех лицах. Но это понятие является у них без всякого видимого сознания, и хотя ингуш клянется тремя великими лицами, но не может себе объяснить, что это за великие лица» (Ахриев Ч. Э. Избранное. Назрань, 2000. С. 54). Таким же образом ингуши относились и к христианским праздникам и обрядам.

После периода временного спокойствия царская Россия вновь стала активно насаждать христианство. Миссия в глазах горцев рассматривалась, на этот раз, как требование покорности и смирения, что подтверждалось и деятельностью самих миссионеров. В 1764 г. Екатерина предложила ингушам и осетинам принять крещение и переселиться к возводимой русской армией Моздокской линии. В том же году была учреждена в Моздоке осетинская духовная школа, в которой обучение проходили как ингуши, так и осетины. В 1793 г. школа была закрыта, вместе с ней прекратила и свое существование Моздокская духовная комиссия. «Кавказская администрация почти 100 лет настойчиво старалась утвердить среди ингушей христианскую религию, видя в этом залог большей благонадежности народа, обитающего на территории,

имеющей серьезное стратегическое значение для интересов России на Кавказе и в Малой Азии. До конца XVIII в. эта политика временами отмечалась вспышками активности, но все же не носила планомерного характера» (Без прошлого нет будущего. Авт. – составитель Р. Ш. Албогачиев. Нальчик, 2005. С. 127).

Боязнь российских властей проявлений мусульманства вынудила их в начале XIX века принять меры по нейтрализации успехов, достигнутых в исламизации равнинных ингушей. По договору 1810 г. ингуши обязались «магометанского закона эффендиев, мулл и прочих особ духовных магометанских отнюдь не принимать, не допускать и мечетей не строить». Попытки законодательным образом сформулировать принципы отношения между государством и исламом предпринимались и в 1819 г. по инициативе генерала А. П. Ермолова. Была начата работа над «Положением о магометанском духовенстве», но она так и не была завершена.

Бесспорно, религиозная политика имперской власти была противоречивой. Христианизация вызывала упорное сопротивление горцев. Как отмечает Г. Мартиросиан, «насаждение самодержавием христианства среди ингушей повлекло за собою, как свидетельствуют многочисленные официальные данные, недовольство, неоднократно вызывало волнения, которые, разумеется, не могли не отразиться отрицательно...» (Мартиросиан Г. К. Нагорная Ингушия. // Ингуши. Саратов, 1996. С. 332).

В результате двух крупных русских кампаний по христианизации горцев, в ингушском сознании переплелись черты язычества и христианства. Из христианства ингушами было заимствовано то, что не противоречило их традиционным, общинно-родовым верованиям, а именно – культ святых. Бог солнца и неба Даьла стал верховным богом, а богиня плодородия Тушоли – Богородицей. Одновременно с этим появились и представления об аде и рае, всемирном потопе и всевышнем наказании, в случае совершения грехов.

Полного отказа ингушей от традиционных верований так и не произошло, сами идеи христианской церкви воспринимались ими туманно, и потому язычество, не уступавшее длительное время свое место двум монотеистическим религиям – христианству и исламу, сохранялось вплоть до конца XVIII века.

Наряду с попытками укоренения среди ингушей христианства, в горных районах Ингушетии достаточно активно утверждался ислам. Проникновение ислама происходило со стороны Чечни, Дагестана и Кабарды, в результате чего Ингушетия стала областью пересечения интересов обеих конфессий.

Большая часть дореволюционных исследователей, затрагивавших в своих работах вопрос исламизации ингушей, склонялась к мнению, что

процесс внедрения новой монотеистической религии проходил в позднее время. Но, согласно преобладающим в современном кавказоведении точкам зрения, знакомство ингушей с мусульманством произошло достаточно давно. Существует несколько версий его первоначального проникновения. Началом этого процесса можно считать пребывание монголо-татар в плоскостных районах современной Ингушетии, о чем свидетельствуют стоянки, расположенные на равнине между Терекком и Сунженским хребтом. Однако на начальном этапе влияние Золотой Орды, по всей видимости, было незначительно. Лишь с приходом к власти хана Узбека (1312–1340) исламизация стала вестись более интенсивно. В.Б. Виноградов считает, что ставка хана Узбека находилась в районе современных ингушских селений Плиево и Карабулак, и по дороге к Ачалукам с их горькими источниками. Как отмечает исследователь, первое знакомство ингушей с новой идеологией состоялось в VIII–IX вв., в период арабско-хазарских войн за обладание Кавказом (Виноградов В.Б. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С. 55). Ряд исследователей сходится во мнении, что начальным периодом исламизации ингушей является рубеж XIV–XV вв. (Лавров Л.И. Надписи мавзолея Борга-Каш // Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛ. Т. 5. Вып. 5. Грозный, 1964. С. 163), а завершающим – вторая половина XVIII в. (Ханбабаев К.М. История и эволюция ислама на Кавказе // Взаимодействие государства и религиозных объединений: современное состояние и перспективы. Махачкала, 2004. С. 458). Это мнение кажется наиболее верным, поскольку на протяжении XVI–XVIII вв. многочисленные присяги и обращения за помощью к России скреплялись клятвой на Коране. Бытует версия и о роли кабардинских феодалов в процессе исламизации ингушей в XVI–XVII вв. В указанный период кабардинцы контролировали значительные территории равнины и предгорий Северного Кавказа. Та часть ингушей, что переселилась на равнину, приняла ислам: к примеру, жители селения Ангушт. Горные ингушские общества, в частности, Галашкинское, оказались исламизированы раньше, чем равнинные. Среди них активно шло распространение учения накшбандийа. Наиболее значимое влияние на религиозные убеждения кавказских народов оказала деятельность шейха Мансура (Ушурмы, уроженца чеченского селения Алды). Мансур придерживался тариката накшбандийа и практиковал суфизм в его аскетической форме. Определенное значение в исламизации ингушей оказало национально-освободительное движение имама Шамиля.

Адаптация северокавказского ислама к условиям Российской империи начинается с подавления движения Шамиля и реформирования всей системы политической, административной и судебной власти в крае.

Следующим этапом развития исламской идеологии среди ингушей стало распространение идей шейха Кунта-Хаджи, ориентированного на смирение перед российской властью и социальную справедливость. Идеология ненасилия среди ингушей к тому времени уже была распространена, а с появлением Кунта-Хаджи она приобрела и теоретическую основу. Но, несмотря на это, недостаточная оценка событий времени шейха Кунта-Хаджи создавала впечатление конфликта между российской властью и ингушами. Все же именно идеология ненасилия до депортации ингушей в 1944 г. помогала избегать крупных конфликтов между российской властью и ингушами. Более того, идеология зикризма, под которой и понимается непротивление злу насилием, противоречила идеологии газавата, что вынуждало Шамиля длительное время преследовать Кунта-Хаджи, запрещая ему проповедовать. Идеология зикризма собрала вокруг себя различные слои населения, впервые оказалось возможным участие женщин в религиозной деятельности – все это вызывало беспокойство царских властей, в результате чего шейх был арестован и сослан в Новгородскую губернию, в город Устюжна. После ареста Кунта-Хаджи его последователи объединились двух вирдах – религиозных братствах, одним из которых руководили Хусайн-Хаджи и Гарабиг-Хаджи. Со временем число зикристов росло, принято считать, что это было связано с тем, что шейх Кунта-Хаджи оставил после себя не менее энергичного проповедника ислама шейха Батал-Хаджи, последователи которого впоследствии создали отдельное от кунта-хаджийцев братство, также принадлежащее кадирийскому тарикату. Число последователей Батал-Хаджи в республике, несмотря на официальные оценки, значительно.

В период активного распространения суфийского ислама в Ингушетии духовными лидерами были так называемые правоверные муллы. Правоверные ингуши (правоверными называли тех ингушей, которые, будучи мусульманами, не принадлежали ни к одному суфийскому братству) относились к зикристам с некоторой насмешкой, но вместе с тем у тех и других заметно было особое уважение к святости жизни зикристов, так что нравственное влияние последних на остальную часть ингушей несомненно имелось. В свою очередь, зикристы мулл не особо уважали, и если ходили в мечеть, то становились отдельно и, помолившись, сразу уходили. Детей своих в школы кадирийцы не отдавали, а на всякое начальство смотрели, как на врагов.

Среди кавказских народов ингуши, несомненно, приняли ислам в числе последних, и укоренился он в их среде значительно позже, нежели среди чеченцев. Но влияние чеченских религиозных деятелей на окончательное утверждение ислама среди ингушей огромно. Так, в первой поло-

вине XIX в. у засунженских чеченцев действовало 108 мечетей во главе с главным кадием, а у так называемых покорных чеченцев в Чеченском управлении (24 тысячи человек населения) – 143 (примерно на 170 душ населения приходилось по одной мечети), карабулаков и ингушей – 25. Потому неудивительным была значительная роль чеченцев в процессе принятия ислама ингушами. Как позже отмечает Б. Далгат, «чеченские муллы оказались лучшими проповедниками, нежели русские и грузинские попы» (Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С. 52).

Процесс внедрения ислама продолжался вплоть до XVIII–XIX вв., о чем свидетельствует факт причисления себя официально к мусульманам гвилетцами в 1861 г. XIX в. в самый момент завоевания Кавказа русскими. У Б. Далгата дата принятия жителями селения Гвилети отмечена 1862 годом (Далгат Б. К. Указ.соч. С.51).

Уже во второй половине XIX в. жизнью мусульман Кавказа руководили созданные в 1823 г. Духовное управление мусульман в г. Тбилиси и с 1877 г. Суннитское и Шиитское духовные управления, подведомственные царской администрации края.

Процесс перехода от язычества к исламу в удаленных горных селениях растянулся на столетия, в Карачае вплоть до начала, а в Ингушетии даже до конца XIX в.

РПЦ

Организационная структура

Республика Ингушетия входит в *Махачкалинскую и Грозненскую епархию* РПЦ. С 27 января 2013 епархией управляет епископ Варлаам (Пономарёв). 3 православных общины в Ингушетии.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в станице Орджоникидзевской. Настоятель храма – о. Сергей Мальцев.

Сайт епархии: www.goragospodnya.ru

Особенности епархиальной жизни

На территории Ингушетии исторической основой православия было казачество, и православные приходы размещались, в основном, в казачьих станицах Ставропольского края на границе с Ингушетией. Затем несколько казачьих районов Ставропольского края вошли в состав республики Ингушетия в 1992 году, когда она была образована. В связи с обострением обстановки вокруг ближайшего соседа Ингушетии – Чечни – православие было фактически вытеснено.

На территории Ингушетии действует лишь несколько православных общин в казачьих станицах Троицкой и Слепцовой. В 1999 году в Ингушетии чеченскими боевиками были похищены два священника, Сергей Потапов и Петр Макаров. В 1999 году из станицы Слепцовой был похищен и убит настоятель прихода прот. Петр Сухонос, который считается на Северном Кавказе новомучеником. Приход существует также в станице Ассиновская на границе Чечни и Ингушетии.

После избрания президентом Ингушетии Мурата Зязикова положение православной церкви в республике укрепилось. В 2004 г. строятся новые здания церквей в станицах Орджоникидзевской, Троицкой и столице Магасе. В 2004 г. регулярные богослужения проходили только в Орджоникидзевской, настоятелем которой являлся иеромонах Варлаам (Пономарев). В 2004 году он был назначен благочинным республики Ингушетии и Чеченской республики. В том же году стал настоятелем церкви Архистратига Божия Михаила в Грозном.

По открытию в Магасе Иоанно-Кронштадтской часовни при Управлении ФСБ в мае 2011 года ему было вверено попечение о ней.

В период руководства республикой Р. Аушев декларировал поддержку православия – в Назрани по его инициативе была построена часовня. Единственный действующий на территории республики в станице Орджоникидзевской православный храм получает постоянную поддержку республиканских властей, выделены бюджетные средства на строительство нового церковного здания. Власти одобрили также решение о строительстве церковных зданий в Магасе и Троицкой.

Православными верующими в Ингушетии являются, в основном, русские. В межпереписной период (1989–2002) численность русских в Ингушетии сократилась в 6,5 раз. В 2007 г. насчитывалось 10 тыс. православных граждан. В 2004 году правительство Ингушетии начало реализовывать специальную программу по возвращению русскоязычного населения, которое вынуждено было покинуть республику в начале 1990-х годов. В настоящее время Ингушетия является одной из самых «дерусифицированных» республик Северного Кавказа. Духовенство нерегулярно поддерживает связи с затухающими казачьими обществами в Ингушетии – в станицах Слепцовская и Троицкая.

Протестантизм

Официально евангельских общин на территории Ингушетии нет, однако есть отдельные группы и верующие – баптисты, евангелисты, пятидесятники. Протестанты также работают в гуманитарных миссиях, действующих в республике.

Ислам

Организационная структура

Высшим религиозным органом мусульман республики является **Муфтият – Духовное управление мусульман Республики Ингушетия (ДУМ РИ)**.

История создания Духовного управления мусульман Ингушетии довольно схожа с другими ДУМами в республиках Северного Кавказа. В октябре 1992 г. Совет имамов Чеченской республики избирает нового муфтия и создает под его руководством новое духовное управление – ДУМ ЧР, что вынуждает мусульман Ингушетии создать собственное управление в апреле 1993 г. в Назрани.

Главой муфтията в 1993–2004 гг. был Магомед Албогачиев, последователем вирда Кунта-Хаджи Кишиева. С 2004 года муфтием является Иса Хамхоев.

Муфтий избирается советом алимов и имамами населенных пунктов сроком на 5 лет. Муфтият образован в результате объединения мусульманских общин и организаций. Органами управления Муфтията являются: совет *алимов*, муфтий и аппарат Муфтията, кадий и члены *кадията*. Высшим органом Совета Алимов является съезд мусульман республики. При Духовном центре мусульман Ингушетии (ДЦМ РИ) в ходе достигнутого решения на заседании духовенства, посвященного созданию единой системы по выплате закята в республике, создан комитет по закяту. Председателем комитета по предложению кадия республики Абдурахмана Мартазанова был избран и утвержден имам г. Назрань Хизир Цолоев, под руководством которого уже длительное время осуществляется исправное отчисление и раздача закята. Кроме того, муфтият планирует в каждом населенном пункте назначить одного члена комитета на уровне заместителя имама. Имам соборной мечети в г. Назрань – Хизир Цолоев.

ДУМ подчиняется не менее 400 мечетей. Мечети располагаются во всех населенных пунктах, на крупных перекрестках, в крупных государственных учреждениях.

Суфизм у ингушей

Суфизм за много веков распространения и функционирования на Кавказе стал своего рода народной религией, а принятие ислама ингушским народом явилось глобальной сменой парадигмы в их мировоззрении и культуре. Долгое время суфийский ислам сосуществовал с разной степенью взаимодействия с местными верованиями и традициями, потому первое время в Ингушетии он оставался «чужим». Процесс сближения

с местным духовным субстратом, «освящения» исламом местных традиций и норм и превращения ислама в «свою» религию начинается с формированием местного (взамен пришлого) сословия религиозных авторитетов, со сложением местных духовных центров. Такое сращивание нормативного ислама с местной духовной культурой привело к сложению здесь региональной формы бытования ислама. Суфизм способствовал углублению влияния религии, и, накладываясь на традиционное деление общества, слился с его социальной организацией.

Одной из важных составляющих суфизма являются мусульманские правовые школы – мазхабы. Чеченцы и ингуши – мусульмане-сунниты шафиитского мазхаба. Существует мнение, что вайнахи (ингуши и чеченцы) переняли шафиитский мазхаб от аварцев и кумыков.

Суфийские братства (кадирийское и накшбандийское) широко распространены среди ингушей и имеют различные ответвления, которые называются вирдами. Основатели вирдов – шейхи признаются ингушами своими устазами – учителями.

Суфийские братства

В рамках тариката Кадирийа бытуют суфийские братства – вирды – чеченского шейха Кунта-Хаджи Кишиева (крупнейшая по численности последователей) и ингушского наставника (устаза) Батал-Хаджи (Белхороева), жившего в конце XIX – нач. XX века.

В рамках тариката Накшбандийа сложилось братство суфийских шейхов Дени и Багауддина Арсановых.

Ислам, как монотеистическая религия, не допускает почитания кого-либо наряду с единым богом – Аллахом, однако со временем почитание святых в исламе получило большое распространение. В северокавказском исламе суфии не ограничились тем, что стали обращаться с мольбой к кому-нибудь, помимо Аллаху, они еще и возвысили их до такой степени, что стали им приписывать и обладание некими божественными качествами, утверждая, что они распоряжаются происходящим во вселенной, обладают знанием о сокровенном и отвечают на просьбы тех, кто обращается к ним за помощью и спасением.

Могилу святого посещают как святое место поклонения, тем самым, получив заступничество святого перед богом – так, одновременно с культом святых развивается культ могил. Святых ингуши именуют *овлиями*, а *шейхом* называют высокоавторитетное лицо. Главным фактором, побуждающим верить в особую духовную силу суфийских учителей, была их способность творить чудеса (*карамат*). К ним следует отнести способность читать мысли, телепатическим образом исчезать из поля зрения и появляться в других местах, излечивать больных, говорить с душами, предвидеть будущее.

Суфийские персоналии – шейхи и устазы – в Ингушетии, их образы жизни, учения, прочно сохраняются в духовной культуре народа. Их духовно-нравственные высказывания часто воспроизводятся в религиозном дискурсе, в песнопениях – *назмах* и ритуалах – *зикрах*. Наряду со святыми в исламе почитаются и реликвии, связанные с их именами. Так, в музее при мечети Батал-Хаджи Белхороева в селении Сурхахи с особым трепетом относятся к сохранившемуся от Кунта-Хаджи Корану, некоторым предметам одежды обоих шейхов – рубахам и сапогам.

Для современного ингушского этноса характерен высокий уровень религиозности: повсеместно распространены обряды обрезания мальчиков, празднование мусульманских праздников, похоронные и свадебные обряды с участием мулл, приверженность культу шейхов, религиозное домашнее воспитание и т.д. Особое место и значение занимает обычное право – адат и религиозное – шариат.

Современное положение

Ингушетия относится к числу так называемых «исламских» республик России, титульный народ которой исповедует суфийский ислам суннитского направления шафиитского толка (мазхаба). Численность населения республики, согласно переписи 2010 г., составляет 385, 5 тыс. человек. В Ингушетии мусульмане составляют большинство населения – 98 %, в Чечне – 96 %, в Дагестане – 94 %.

Мусульманское духовенство Ингушетии в целом менее «политизировано», нежели духовенство Чечни. Оно занимает осторожные позиции в отношении соперничающих группировок ингушского национального движения, в частности, по вопросу о путях борьбы за возвращение Ингушетии территории Пригородного района Северной Осетии (Пригородный район вошел в состав Северной Осетии в 1944 г. с ликвидацией ЧИ АССР. Прежде населенный преимущественно ингушами, он не был возвращен в состав Чечено-Ингушетии после восстановления республики в 1957 г.). В конце 1992 г. религиозные лидеры пытались удержать ингушских радикалов от «решительных действий» в этом направлении. В дни осетино-ингушского конфликта (конец октября – начало ноября 1992 г.), закончившейся почти поголовным изгнанием нескольких десятков тысяч ингушей из Пригородного района, муфтий М. Албогачиев и имам назрановской мечети Ахмед Пошев выступили против всеобщего ингушского «газавата». В дальнейшем представители духовенства Ингушетии неоднократно участвовали в акциях «народной дипломатии» по урегулированию осетино-ингушского конфликта.

В 1998 г. было принято решение о выходе из состава ВКЦ ДУМР и о создании Координационного центра мусульман Северного Кавказа

(КЦМСК). Председателем вновь созданного Центра стал муфтий Магомед Албогачиев (в 2003 г. на этой должности его сменил муфтий Карачаево-Черкесии Исмаил Бердиев).

М. Албогачиев, будучи последователем тариката Кадирийа, проводил политику возрождения традиционного ислама в Ингушетии с активным восприятием суфизма и местных народных традиций – адата. Применение шариата получило более умеренную трактовку и смягчается местными обычаями. Это период можно характеризовать как активное сотрудничество светской и государственной властей. О сотрудничестве руководства республики и Муфтията говорит факт участия ДУМ в предвыборных кампаниях. Избранному президентом РИ в 1993 году Р. Аушеву – практикующему мусульманину (в президентском дворце в Назрани есть место для совершения мусульманской молитвы – намаза) досталось практически полностью однородное исламское общество. К концу 90-х гг. Ингушетия превратилась фактически в регион, где подавляющее большинство населения составляли ингуши-мусульмане.

В начале своей политической карьеры Р. Аушев как светский политик ограничился признанием особой роли ислама в Ингушетии. Обострение обстановки вокруг Чечни и последовавшие затем Чеченские войны заставили власти Ингушетии полностью взять на себя миссию по возрождению ислама в республике чтобы перехватить инициативу у экстремистов – «ваххабитов». Сама ситуация позволила правительству Р. Аушева проводить государственную политику исламизации республики.

Важную роль в духовном образовании подрастающего поколения с тех пор играет Исламский институт, открытый в апреле 1994 г. в станции Орджоникидзеградской Сунженского района, названный в честь знаменитого короля Саудовской Аравии Абдул-Азиза. Целью программы высшего духовного образования, рассчитанной на шесть лет обучения, является подготовка исламских священнослужителей и религиозного персонала по программам, определяемым Муфтиятом. Выпускники института получают диплом о высшем профессиональном образовании. Всего за период с 2000 г. по 2009 г. высшее образование в институте получили 281 человек, из них 206 юношей и 75 девушек. В 2013 г. стоит вопрос о его закрытии или создании на его базе в г. Малгобек религиозного учреждения со статусом «Исламский университет», что по прогнозам ректора произойдет нескоро.

Известными лидерами ислама в Ингушетии с этого периода являются Ахмед-Хаджи Пошев, получивший религиозное образование в Иордании, Яхья Мухлоев – имам главной мечети ст. Орджоникидзеградской, Хамзат Чумаков – имам Насыр-Кортской мечети, Иса Хамхоев – муфтий РИ с 2004 г., имам г. Назрань Хизир Цолоев.

В 1990-е годы молодые люди, стремясь получить религиозное образование, устремились на Арабский Восток и в Турцию. Часть из их числа была направлена муфтиятом для усовершенствования тех знаний, что были получены в пределах республики. Другая часть выезжала по собственной инициативе. Образование, получаемое за пределами республики, для студентов было непривычным, отличным от традиционного понимания ислама, тем не менее, число студентов из Чечни и Ингушетии росло. В июне 1990 г. впервые после долгого запрета, введенного Советской властью, был совершен первый массовый хадж мусульман из Северной Осетии и Чечено-Ингушетии к святым местам Мекку и Медину.

Начавшийся с 90-х гг. процесс исламского возрождения одновременно привел к политизации ислама. Возросло число мечетей, важную роль ролей в этом процессе сыграли вирдовые братства Ингушетии, благодатной почвой для распространения деятельности которых на Северном Кавказе послужила совокупность традиционных социальных и духовных институтов общества. Необходимостью борьбы с ваххабизмом и потребностью духовно-нравственного воспитания детей, явилось преподавание в школе «Основ ислама», в рамках которого объясняется, что такое истинный ислам, который является «национальной идеей» народов Северного Кавказа, а что такое экстремизм.

Особое место в жизни верующих ингушей занимает паломничество к святым местам в Мекку и Медину (хадж), организуемое ежегодно духовным центром. В структуре Муфтията имеется Комитет по хаджу, возглавляемый Мусой Мейриевым. Поскольку паломничество является довольно дорогостоящим мероприятием, малоимущим в этом нередко помогают бизнесмены; из 4881 паломников, совершивших хадж с 1993–2003 гг., около 800 человек совершили это путешествие за счет благотворителей. Более 1500 жителей Ингушетии отправились в хадж в 2010 г., это почти в два раза больше, чем в 2009 году, когда в связи с эпидемией свиного гриппа количество паломников резко сократилось. В 2010 г. 924 паломника отправились в Саудовскую Аравию воздушным транспортом, остальные – наземным. В 2011 г. Советом муфтиев России Ингушетии была выделена квота 1500 человек, из общей квоты предоставленной Саудовской Аравией для России 20,5 тыс. паломников. Нужно отметить – это рекордное число за всю историю паломничества граждан Ингушетии. В связи с тем, что аэропорт «Магас» республики находится на реконструкции, все паломники совершили хадж воздушным транспортом из Грозного, согласно договоренности между правительствами Ингушетии и Чечни.

Р. Аушев в период своего руководства пытался ввести в законодательство Ингушетии некоторые нормы шариата и адата, к примеру, разреше-

ние споров и кровно-родственных конфликтов. Согласно адату в случае, например, убийства действует (и в настоящее время) процедура выплаты штрафа родственникам убитого. Принятый Р. Аушевым указ 1994 г. приостановил применение на территории республики статей действовавшего в то время российского Уголовного кодекса относительно ответственности за многоженство и предоставление выкупа за невесту, ссылаясь при этом на местные традиции и демографические проблемы. Так же, в Ингушетии был принят закон о мировых судьях, предполагавший руководствоваться традициями и обычаями ингушского народа при вынесении решений, а также не ограничивать роль шариата наряду с российским законодательством, то есть учитывать специфику региона. Последним шагом стало принятие летом 1999 г. ингушским президентом указа, разрешившего в республике полигамию. И основа для принятия закона имела в республике: наличие многоженства нередко встречается среди ингушей, но неофициально. Одновременно подчеркивалось, что эта мера не идет вразрез с действующим законодательством. Однако отмена упомянутого указа в 2000 г. сменившим Р. Аушева на посту М. Зязиковым лишь подтвердила неправовой характер принятого акта, то есть что республиканский закон противоречит федеральному законодательству.

С момента формирования шариатских судов в Ингушетии, руководство стремилось установить нормы шариата, разработать ряд республиканских законов, учитывая специфику мусульманского права. «При создании проекта Закона о мировых судьях ингушские законодатели попытались ввести ряд норм дореволюционного сельского суда (суда кади)» (Албаков Д. Х. О применении шариата в Республике Ингушетия // Ислам и право в России. Выпуск 2. М., 2004. С. 81). В проекте закона были такие положения, как то, что мировой судья должен руководствоваться нормами адата и шариата; мировой судья, вступая в должность, приносит присягу на Коране или на Библии. После принятия Федерального закона о мировых судьях данный ингушский проект утратил силу.

Особую роль играет Муфтият в вопросе примирения кровников. По словам Ю.–Б. Евкурова «за последние два года более ста пятидесяти семей в Ингушетии пришли к примирению». Одним из последних примеров прощения кровной мести явилось примирение в с. Сагопши между двумя тейпами двух народов Ингушетии и Чечни. После восемнадцати лет неприязни подали друг другу руки Кориговы (Ингушетия) и тейп Зумсой (Чечня).

С 2001 г. шариатский суд перестал существовать как судебный орган, продолжая функционировать как консультативный орган для физических лиц. «С 1999 г. по 2001 г. шариатский суд рассмотрел свыше 1 тыс. дел и 90% обратившихся остались довольны вынесенными решениями»

(Албаков Д. Х. О применении шариата в Республике Ингушетия // Ислам и права в России. Выпуск 2. М., 2004. С. 82).

В период руководства республикой генерала ФСБ Мурата Зязикова, избранного 28 апреля 2002 г. президентом Ингушетии, была отработана система взаимодействия исламского духовенства и правоохранительных органов. Власти при М. Зязикове часто обвиняют в том, что благодаря его политике чеченские беженцы смогли успешно распространять ваххабизм в республике. В 2003 г. по требованию муфтия МВД закрыло мечеть в селе Плиево. По словам муфтия, в этой мечети собирались ваххабиты из Чечни, призывавшие к неповиновению властям. При М. Зязикове Совет алимов (ученых) и духовенства запретил имамам участвовать в религиозных мероприятиях по просьбе лиц, осуждённых за убийство, угоны автомобилей, дезертирство, кражу девушек, притеснение неингушей. Отношения между муфтием М. Албогачиевым и новым президентом не сложились. Кризис в отношениях между ДУМ РИ и президентом М. Зязиковым наступил летом 2004 г. после нападения боевиков на Назрань, в ходе которого погибло около 100 человек. На собрании духовенства Ингушетии 5 июля 2004 г. М. Албогачиев заявил о своей отставке, и новым муфтием РИ стал Иса Хамхоев. М. Албогачиев этот пост занимал почти 12 лет, а также 5 лет был главой Координационного центра мусульман Северного Кавказа. Своё решение он объяснил тем, что категорически не согласен с религиозной политикой М. Зязикова, которая не обеспечивала эффективного противодействия ваххабизму и ставила под угрозу безопасность населения республики.

С того момента, когда руководителем республики стал Ю.– Б. Евкуров (с октября 2008 года), муфтият вновь обрел прежнее влияние. Современная политика муфтията РИ направлена на создание прочной конфессиональной вертикали, путем внедрения «своих» духовных лидеров в различные районы и структуры республики. Духовное управление Ингушетии, официально считающееся главным органом духовной власти, пытается контролировать религиозные процессы, происходящие в республике, как минимум не меньше, чем в период президентства Р. Аушева.

В Ингушетии существуют острые противоречия в понимании ряда положений ислама и его обрядовой практики, а дискуссии между фундаменталистами (ваххабитами) и традиционалистами (тарикатистами, сторонниками суфизма) стали фактором религиозно-доктринального противостояния в мусульманской среде. Традиционный ислам в процессе этой борьбы также политизируется.

В Ингушетии представители государственных силовых структур постоянно заявляют о захваченных полевых командирах, ликвидированных ячейках боевиков, террористов, ваххабитов. Но на практике влияние исламских радикалов не уменьшается, а противостояние их существующим порядкам становится более ожесточенным. Наблюдение за деятельно-

стью мусульманских общин постоянно ведут службы МВД и ФСБ, отслеживающие присутствие среди них радикально настроенных групп и лиц. В том случае, если кто-то попадает под надзор как «радикально настроенный», то его ближайшее окружение также контролируется спецслужбами; нередко «попавший под подозрение» покидает свой дом или уезжает за пределы республики.

У ваххабизма в Ингушетии есть сильные и слабые стороны. К сильным следует отнести мощный идеологический потенциал, которым ваххабиты привлекают целые группы. Это идеи братства, единого шариатского государства, равенства и справедливости. Но при этом четкая программа действий отсутствует. Общественные разногласия между последователями и противниками ваххабизма подчас связаны с отсутствием специалистов, способных разобраться в исламском праве – фикхе. Ваххабизм не идет на диалог ни с одной традиционной религиозной общиной, и это отчасти подрывает его социальную базу.

Одной из особенностей борьбы с ваххабизмом в Ингушетии является сотрудничество государственной власти и муфтията. При этом государство несет главную ответственность за противодействие радикализму, и оно инициирует необходимые меры для борьбы с ним. Тем более, что традиционный ислам длительное время развивался и направлялся самой властью. Р. Аушев, будучи президентом республики в условиях ее становления, решительно запретил ваххабизм. Он признавал на территории Ингушетии только традиционный ислам. Влияние государства на религиозную жизнь ингушского общества подтверждалось введением шариатских судов, преподаванием «правильного» ислама в школах. Можно сказать, ислам в Ингушетии стал своего рода частью системы органов государственной власти. Нередко муллы и имамы читают работникам МВД лекции о том, как отличить «традиционный» ислам от «нетрадиционного».

Гибель ичкерийского лидера Абдулхалима Сайдулаева, а впоследствии и Шамиля Басаева, фактическая ликвидация кабардино-балкарского подполья в 2005 г. позволили на время поверить, что вооруженное сопротивление ваххабитов подавлено. Однако после объявления Доку Умаровым о создании «Имарата Кавказ», в Ингушетии активизировались местные радикальные группировки.

Ингушетия стала ареной войны между боевиками и государственными силовыми структурами, республика рисковала превратиться чуть ли не «вторую Чечню». В 2007 г. столкновений стало намного больше, улицы патрулировали военные машины, воинские подразделения были размещены практически во всех районах республики. Все это свидетельствовало о действительно тяжелой ситуации. Именно в указанный период так называемые «ваххабитские чистки» в республике стали приобретать массовый характер. Спецоперации, обстрелы военных колонн, нападения на сотрудников милиции происходили практически ежеднев-

но. Все это не могло не вызывать возмущения народа. В сознании ингушского населения происходившие диверсии боевиков не воспринимались как «действия ингушского сектора Кавказского фронта». В обществе распространялось мнение о незаконном произволе, и отчасти такие общественные суждения были направлены в адрес республиканских властей. Сказывалась боязнь военных действий подобных тем, что были в Чечне.

С лета 2009 г. был отменен режим контртеррористической операции в Чечне, но диверсионно-террористическая активность распространилась на соседние республики – Ингушетию, Дагестан и Кабардино-Балкарию. Подтверждением тому стало покушение на президента Ингушетии Ю.– Б. Евкурова летом того же года, а также убийство главы МВД Дагестана А. Магомедтагирова. Ингушетия стала лидировать среди наиболее опасных регионов.

9 июня 2010 г. в ходе спецоперации правоохранных органов был захвачен Али Тазиев, известный как «Магас», подозреваемый в нападении на Ингушетию в июне 2004 г. и террористической атаке на среднюю школу в Беслане в сентябре того же года. В марте 2010 г. в селении Экажево в результате спецоперации был убит Саид Бурятский (Александр Тихомиров) – организатор ряда крупных терактов. А 8 сентября 2011 г., по словам сотрудников правоохранных органов, ликвидированы остатки банды Бурятского.

В 2010 г. властям Ингушетии и лично Ю.– Б. Евкурову при поддержке федерального центра удалось переломить ситуацию в Ингушетии к лучшему. Да и само назначение «военного» в лице Евкурова на пост республиканского главы было частью политики наведения порядка. Таким образом, в Ингушетии, как в Дагестане и Чечне, ваххабизму был дан сильнейший отпор.

Хотя основу воззрений ваххабизма составляет идея объединения «разрозненных племен» и создание единого государства, в Ингушетии и в других северокавказских республиках ваххабизм явился средством не сплочения, а раскола мусульман. Сегодня ваххабизм все так же привлекает в свои ряды молодежь республики и дестабилизирует обстановку в Ингушетии; не прекращаются террористические акции и, как следствие, есть жертвы.

Хотя контроль властей и местного духовенства сдерживает распространение ваххабизма, остановить процесс радикализации части населения, прежде всего, молодежи, в современных условиях нельзя без изменения самих этих условий. Вследствие того, что ряды сторонников так называемого чистого ислама (ваххабизма, теперь все чаще называемого салафизмом) пополняет молодежь, зачастую не имеющая иной возможности социальной самореализации, властям и обществу нужно действовать именно на социальном направлении. И, конечно, необходимо принимать во внимание, что уровень возрастающей исламизации уже оказал

большое влияние на жизнь населения в северокавказских республиках. Нужно понимать, что религиозные гонения усиливают позиции ушедших в подполье ваххабитов. Как отмечают эксперты, сегодняшняя ситуация в Ингушетии – это принципиально новый вызов для России. Он требует иных подходов, решений, совсем не таких, какие использовались в Чечне.

По мнению деятелей муфтията, чтобы вывести Ингушетию из сложившейся тяжелой ситуации, наряду с социально-экономического преобразованиями требуется комплексная, совместная и планомерная работа по организации постоянного диалога молодежи и старшего поколения. Совместная – со стороны властей республики, духовенства и структур гражданского общества.

Литература:

1. Виноградов В. Б. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
2. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004.
3. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
4. Религия в жизни ингушского народа // Ингушский этнос на современном этапе: черты социально-психологического портрета. М., 2012. С.69–127.

Список сокращений

- ААЦ – Армянская апостольская церковь
АС – Армия Спасения
АСД – Адвентисты седьмого дня
АХЦ – Ассоциация христианской церковью «Союз христиан»
ВСЕХ – Всероссийский союз евангельских христиан
ДПЦ – Древлеправославная поморская церковь
ДУМ – Духовное управление мусульман
ДУМАЧР – Духовное управление мусульман Азиатской части России
ДУМЕР – Духовное управление мусульман европейской части России
ЕЛЦ – Евангелическо-Лютеранская церковь (ЕЛКРАС – Евангелическо-Лютеранская Церковь в России, на Украине, в Казахстане и в Средней Азии)
ЕЛЦ АИ – Евангелическо-Лютеранская церковь Аугсбургского исповедания
ЕЛЦИ – Евангелическо-Лютеранская церковь Ингрии
ЕХБ – евангельские христиане-баптисты
ЕХМС – Евангельский христианский миссионерский союз
ЕУ – епархиальное управление
ЕХДА – Евангельские христиане в духе апостолов

ИПХ – истинно-православные христиане
КЕРООР – Конгресс еврейских религиозных общин и объединений России
МП – Московская патриархия
ОВЦС – Отдел внешних церковных связей
ОРКСЭ – Основы религиозных культур и светской этики
ОСК – Общество Сознания Кришны
ОЦ ХВЕ – Объединенная Церковь христиан веры евангельской
РАМ ХВЕ – Российская ассоциация миссий христиан веры евангельской
РИПЦ – Российская истинно-православная церковь
РКЦ – Римско-католическая церковь
РОМЦ – Российская объединенная методистская церковь
РОСХВЕ – Российский объединенный союз христиан веры евангельской (пятидесятников)
РПЦ – Русская православная церковь (Московского патриархата)
РПАЦ – Российская православная автономная церковь
РПСЦ – Российская православная старообрядческая церковь (белокри-
ницкое согласие)
РПЦЗ – Русская православная церковь заграницей
РСЕХБ – Российский Союз евангельских христиан-баптистов
РЦ ХВЕ – Российская Церковь христиан веры евангельской
СЕЛЦ – Сибирская Евангелическо-Лютеранская церковь
СИ – Свидетели Иеговы
СМИ – средства массовой информации
СМР – Совет муфтиев России
СЦ ЕХБ – Совет Церквей евангельских христиан-баптистов
СХЕЦР – Совет церквей евангельских христиан России
СЦЕХ – Союз церквей евангельских христиан
ТБСР – Традиционная буддийская сангха России
УПЦ КП – Украинская православная церковь Киевского патриархата
ФЕОР – Федерация еврейских общин России
ХВЕ – Христиане веры евангельской
ЦБМД – Церковь Божией Матери Державной (богородичники)
ЦДУМР – Центральное духовное управление мусульман России
ЦИХСПД – Церковь Иисуса Христа Святых последних дней
ЦПЗ – Церковь последнего завета

Содержание

Предисловие.....	3
Республика Адыгея.....	7
Алтайский край.....	33
Республика Алтай.....	70
Амурская область.....	122
Архангельская область и Ненецкий автономный округ.....	141
Ненецкий автономный округ.....	182
Астраханская область.....	195
Республика Башкортостан.....	224
Белгородская область.....	269
Брянская область.....	300
Республика Бурятия.....	328
Владимирская область.....	376
Волгоградская область.....	413
Вологодская область.....	451
Воронежская область.....	475
Республика Дагестан.....	520
Забайкальский край.....	549
Ивановская область.....	567
Республика Ингушетия.....	600

Религиозно-общественная жизнь российских регионов

т. I

Авторский коллектив:

Ксения Деннен, президент Кестонского института;
Борис Кириллович Кнорре, доцент Высшей школы экономики;
Роман Николаевич Лункин, ведущий научный сотрудник
Института Европы РАН;
Михаил Юрьевич Рошин, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН.
Сергей Борисович Филатов, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН;
Танзила Саварбековна Чабиева, научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН

Корректор —
Дизайн и верстка — С.Касьянов

Подп. в печать 17.08.2013. Усл. печ. л. 38,75.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Гарнитура «Times». Формат 60×84/16
Книга отпечатана в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат
г. Можайск,
ул. Мира, 93

Заказать эту книгу
можно в издательстве «Летний сад»:

Москва, пр. Нансена, 4
тел.: +79629044618
e-mail: letsad@letsad.info